

Инфильтрация белорусизмов и регионализмов
в польскоязычные и русскоязычные тексты на отдельных
некрополях северо-запада современной Беларуси
в XIX – первой половине XX в. (система вокализма)*

Przenikanie białorusyzmów i regionalizmów do tekstów polsko- i rosyjskojęzycznych
nagrobnych w XIX i pierwszej połowie XX w. na przykładzie nekropolii
położonych w północno-zachodniej dzisiejszej Białorusi (system wokaliczny)

Infiltration of the Belarusian and Regional Phonetic Features (Vowel System) into
the Polish and Russian-Language Tombstone Inscriptions in Necropoleis in the
19th and the First Half of the 20th Centuries in Modern Northwestern Belarus

TACIANA IVANITSKAJA

Academy of Sciences of Belarus, Belarus

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5968-787X>

e-mail: tatyanushka27.05@gmail.com

Анотация. Целью данной статьи является анализ лингвистических особенностей ритуальных надписей на надгробиях католических, православных и смешанных некрополей северо-западной Беларуси в XIX – первой половине XX в. с точки зрения отражения языкового взаимодействия. Показаны основные формы проникновения белорусизмов и регионализмов в польскоязычные и русскоязычные ритуальные тексты в системе вокализма. Анализ

---

* Druk tomu sfinansowano ze środków Instytutu Filologii Polskiej UMCS. Wydawca: Wydawnictwo UMCS. Dane teleadresowe autora: Instytut Językoznawstwa im. Jakuba Kołosa Narodowej Akademii Nauk Białorusi, tatyanushka27.05@gmail.com, tel.: +37 517 270 18 85.

показывает, что проникновение белорусизмов и регионализмов в ритуальные надписи на польском и русском языках имело как общие, так и индивидуальные особенности, а ареал их распространения напрямую зависел от общего уровня грамотности и функционирования языка.

Ключевые слова: надмогильные ритуальные надписи, межъязыковое взаимодействие, белорусизмы, регионализмы, кладбища

Abstrakt. Celem artykułu jest analiza językowa powtarzających się formuł tekstowych odnotowanych na inskrypcjach z katolickich, prawosławnych i mieszanych cmentarzy północno-zachodniej Białorusi ze szczególnym uwzględnieniem kontaktów między językami występującymi na tych terenach w XIX i pierwszej połowie XX wieku. Przedstawiono poszczególne rodzaje wpływu białorutenizmów i regionalizmów na system wokaliczny polsko- i rosyjskojęzycznych inskrypcji nagrobnych oraz dowiedziono, że przenikanie tych pierwszych do badanych tekstów miało zarówno cechy ogólne jak i specyficzne, a obszar ich dystrybucji zależał od powszechnej w owym czasie biegłości w pisaniu.

Słowa kluczowe: inskrypcje nagrobne, kontakty językowe, białorutenizmy, regionalizmy, cmentarze

Abstract. The aim of the paper is to study the repetitive texts recorded on inscriptions from Catholic, Orthodox and multi-faith cemeteries in northwestern Belarus, with an emphasis on the contacts between the languages existing in these areas, by the method of linguistic analysis. The author presents the types of influence of the Belarusian and regional phonetic features on the vocalic system of Polish- and Russian-language tombstone inscriptions. It has been proved that the process of the infiltration of the Belarusian and regional phonetic features has general and specific attributes, and the area of their distribution depended on the overall literacy at that time.

Keywords: headstone inscriptions, language contacts, Belarusian features, regionalisms, cemeteries

Территория современной северо-западной Беларуси, либо, как ее обозначают польские исследователи, «Kresy Wschodnie» является в лингвистическом плане уникальным регионом. Его специфика в первую очередь обусловлена особенностями общественно-политических, социально-экономических, религиозных и общекультурных процессов, которые происходили на названной территории на протяжении XIX – первой половины XX в.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Одной из особенностей лингвистической картины северо-западной Беларуси было параллельное существование и широкое использование нескольких языковых систем – белорусской (в устной традиции), русской (в качестве официального языка Российской империи, а также языка православной церкви) и польской (в качестве языка католической церкви,

а также языка отдельных слоев общества). До 1795 года официальными языками Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой были старобелорусский (до конца XVII в.) и польский (до 1795 года).

Такой тесный контакт трех близких соседствующих языков привел к взаимному влиянию и появлению результатов интерференций в каждом из них. Степень влияния языков была неоднородна и находилась в прямой зависимости от экстралингвистических факторов, таких как политические условия и языковая идеология. Важно понимать, что при взаимодействии каждый из контактирующих языков ощущает влияние другого языка, независимо от того, является ли он доминирующим и официальным или используется неформально в повседневной жизни.

Белорусский язык на протяжении столетий развивался в непосредственной близости с польским и русским языками. Три контактных языка на территории Беларуси, особенно северо-западной ее части, ощутили на себе взаимное влияние. Анализ письменных текстов показывает, что не только польский и русский языки оказали воздействие на белорусский (особенно на уровне лексики), но и белорусский язык внес свои элементы в региональные разновидности русского и польского языков.

Существование белорусского языка как языка повседневного общения часто приводило к проникновению белорусизмов и регионализмов в письменные тексты на русском и польском языках, что еще раз подчеркивало важную роль белорусского языка в обществе.

Характерные особенности белорусской фонетики, такие как аканье и яканье, отвердевшие звуки, дзеканье и цеканье, сочетания [дж] и [дз], употребление неслогового *у*, приставные гласные и согласные, ассимиляция звуков по глухости, звонкости, мягкости, удвоение согласных отразились в письменных текстах на польском и русском языках.

Широкое отражение процесс инфильтрации белорусизмов и регионализмов получил в текстах надмогильных надписей на некрополях, в которых, несмотря на формальное соответствие языку религии (русскому – для православного населения, польскому – для католического) и стремление к следованию нормам письменной речи, нашли графическое воплощение основные черты белорусской фонетики.

В качестве подтверждения приведем данные анализа основных отклонений от норм польского и русского языков в надписях XIX – первой половины XX в. на католических, православных и смешанных некрополях.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ НАДМОГИЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ

Выявлению лингвистических особенностей и закономерностей языковых контактов на территории белорусско-польского и белорусско-украинского пограничья посвящено множество трудов. В академических учреждениях есть целые отделы, изучающие языковые связи и контакты.

Исследователи польско-белорусского и польско-украинского пограничных языков выводят термин *polszczyzna kresowa*, когда польский язык рассматривается как с точки зрения восприятия самой системы (фонетика, словообразование, морфемика, синтаксис), так и с точки зрения внешних факторов (например, в свете языковой ситуации XIX и XX веков, социального положения поляков Литвы, Беларуси, Украины).

Среди исследований, посвященных взаимодействию белорусского и польского языков, особое место занимают труды Галины Турской, Зофии Курцовой, Эльжбеты Смулковой, Галины Карась, Вячеслава Веренича, Геннадия Цыхуна, Николая Лобача, Януша Ригера, Лешека Беднарчука и других. Также на регулярной основе выходят посвященные описанной проблематике научные журналы и серии, такие как *Studia nad polszczyzną kresową*, *Język polski dawnych Kresów Wschodnich* и др.

Одной из первых лингвистические особенности польского пограничья стала изучать Галина Турска. В своей работе *O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie* исследователь анализирует языковые особенности и использование польского языка в восточной части бывшей Речи Посполитой.

Одним из фундаментальных трудов, в котором подробно анализируются особенности польского языка на территории современной северо-западной Беларуси, является работа Зофии Курцовой *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* В своей монографии автор раскрывает особенности языковой ситуации в контексте истории северо-восточных территорий, социокультурные условия использования на них польского языка.

Разработка основных теоретических и методологических аспектов изучения северо-восточного диалекта польского языка, в том числе гродненских диалектов, принадлежит Янушу Ригеру и Эльжете Смулковой, сформулировавшим основные методологические подходы к исследованию лингвистических особенностей белорусско-польского пограничья.

В вопросе описания лингвистических особенностей польско-белорусских языковых контактов особую роль имеет статья Эльжеты Смулковой. В части языковых контактов стоит сослаться на ее работу *Zagadnie*

polsko-białorusko-litewskiej interferencji językowej na ziemiach północno-wschodniej Polski в сборнике *Białoruś i pogranicza: studia o języku i społeczeństwie*, где исследователь обращает внимание на взаимное влияние различных вариантов языка и различную природу индивидуальных языковых вмешательств. В данном исследовании концепция языковой интерференции описывается автором как отражение влияния одного языка на другой, когда характеристики и нормы одного языка проявляются в письменном или устном варианте другого языка. Таким образом, одна языковая система накладывается на другую. При этом Эльжбета Смулкова подчеркивает, что чем этимологически ближе языки друг к другу, тем чаще возникают проявления интерференции (Smułkowa, 2002, s. 308–309).

Надписи на некрополях польско-восточнославянского пограничья как источник лингвистических исследований рассматривались в первую очередь польскими учеными. Особого внимания в разработке методологии лингвистического исследования ритуального текста на некрополях заслуживают два исследовательских проекта, реализованные в 2009–2014 гг. в Университете Марии Кюри-Склодовской в Люблине (далее в статье – УМКС). Это «Strukturalno-semantyczny opis nekropolii prawosławnych Lubelszczyzny» и «Smentarze po obu stronach Vugu», инициированные кафедрой украинской филологии УМКС под руководством Феликса Чижэвского. После завершения проектов в свет вышли два сборника: *Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego* (под редакцией Феликса Чижэвского, Агнешки Дудэк-Шумигай, Любови Фроляк) и *Smentarze po obu stronach Vugu* (под редакцией Григория Аркушина, Феликса Чижэвского, Агнешки Дудэк-Шумигай).

Важно отметить, что большой вклад в переосмыслении роли надгробного текста на языковом и культурном пограничьи, а также изменении доминанты в его восприятии принадлежит польскому филологу Феликсу Чижэвскому. Он является автором десятков отдельных статей по лингвистическому анализу надмогильного текста, а также монографии *Antroponimia pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych*, опубликованной в 2013 году.

Профессор Феликс Чижэвский также разработал методику изучения надгробной надписи, основанную на трех принципах: точная фиксация, исторический контекст, лингвистический контекст. В русле анализа ритуального текста на некрополях как источника для выявления результатов межъязыкового контактирования также работают филологи Ирена Моринякова, Галина Карась, Кристина Сырницка, Малгожата Острувка, Ядвига Козловская-Дода, Агнешка Дудэк-Шумигай, Анна Стельмачонок, Катажина Кончевска и другие.

ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МЕСТЕЧЕК НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Фактологической базой нашего исследования стали надписи XIX – первой половины XX в. на надгробиях в местечках северо-западной Беларуси. Это семьсот пятьдесят шесть текстовых единиц надписей латинской графикой (латинкой) на польском языке (Гольшанский смешанный некрополь, Плебанский смешанный некрополь, Мирский католический некрополь, Новодворский католический некрополь) и пятьсот пятьдесят одна текстовая единица надписей, выполненных кириллицей на русском языке (Раковский православный некрополь, Мирский православный некрополь, Гольшанский смешанный некрополь, Плебанский смешанный некрополь).

Эти некрополи располагаются в бывших на то время местечках¹: Раков (Минский уезд, Минская губерния), Мир (Новогрудский уезд, Минская губерния), Гольшаны (Ошмянский уезд, Виленская губерния), Новый двор (Лидский уезд, Виленская губерния) и село Плебань, на кладбище которого похоронены верующие из местечка Красное (Вилейский уезд, Виленская губерния).

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в Ракове проживали три тысячи шестьсот сорок один человек. Имелось две церкви, костел и синагога, государственная школа, начальные школы при католической и православной церквях. В Мире проживали пять тысяч четыреста один человек, функционировали две церкви, костел, семь синагог и мечеть, имелась уездная и начальная школы. Население Гольшан в указанный период составляло две тысячи восемьсот восемьдесят три человека. Здесь были церковь, костел, две часовни, синагога и четыре еврейских молитвенных дома. Функционировали приходские школы и одноклассная народная школа. В Новом дворе проживало восемьсот двадцать два человека. Действовали костел, два молельных дома, часовня. При приходе работала начальная школа. По данным на 1897 год, в местечке Красное (являлось культурным центром, в состав которого входила деревня Плебань) насчитывалось одна тысяча девятнадцать жителей. Действовали костел, церковь, две начальные школы и одна средняя.

---

¹ В XIX – первой половине XX в. под местечками понималась гибридная форма поселения, которая уже не деревня, но еще не город. От города местечко отличалось меньшим количеством жителей и большей степенью аграрности. В свою очередь, в отличие от села, местечко имело регулярную торговлю, ремесленные мастерские, отдельное административное и культурное значение, развитую городскую застройку.

В соответствии с материалами названной переписи средний уровень грамотности в Виленской и Минской губерниях составлял 18–24%:

- в Минском уезде – 19% (35 689 человек, из них 45 с высшим образованием, со средним – 530);
- в Новогрудском уезде – 20% (47 199 человек, из них 64 с высшим образованием, со средним – 865);
- в Ошмянском уезде – 29% (64 676 человек, из них 49 с высшим образованием, со средним – 558);
- в Вилейском уезде – 18% (36891 человек, из них 62 с высшим образованием, со средним – 616);
- в Лидском уезде – 29% (57364 человека, из них 41 с высшим образованием, со средним – 418) (Trojnickij, 1904b, s. 57, 69; 1904a, s. 39, 45).

В начальных, средних и высших учебных заведениях, а также в школах при православных приходах обучение велось на русском языке, в школах, существующих при католических приходах, – на польском. Белорусскоязычные школы работали неофициально и требовали больших денег на содержание, поэтому многие жители не имели возможности получить образование на белорусском языке. Таким образом, местное белорусское население в этот период практически не имело возможности приобрести и развивать навыки письма на родном языке.

Таким образом, в ситуации недостаточного уровня грамотности и параллельного сосуществования трех языковых систем, функционирование и использование которых обусловлено сферой употребления предпочтительного языка, появление инфильтраций является вполне закономерным.

Вместе с тем, проявление черт белорусского языка в польских и русских ритуальных текстах на некрополях имеет как общие, так и специфические черты.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУСИЗМОВ И РЕГИОНАЛИЗМОВ В НАДМОГИЛЬНЫХ ТЕКСТАХ НА НЕКРОПОЛЯХ (СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА)

Наиболее распространенным явлением, которое нашло свое отражение как в польскоязычных, так и в русскоязычных надписях на некрополях XIX – первой половины XX в., является аканье.

Под аканьем понимается процесс совпадения в одном звуке в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема в позиции только после твердых согласных. В большинстве случаев безударные **о** и **а** совпадают в одном звуке – [a].

Аканье, характерное для абсолютного большинства белорусских говоров, впоследствии закрепилось в качестве отличительной черты белорусского литературного языка. Кроме того, как указывает Галина Турска, аканье проникло и в польские региональные говоры белорусско-польского приграничья (Turska, 1983, s. 16).

На проанализированных католических некрополях и католической части смешанных некрополей в польскоязычных надписях латинкой зафиксировано шестнадцать примеров графического отражения аканья, которое проявилось:

- в написании мужских и женских имен собственных: *Aleksandar* (ГСН² № 90), *Anufrego* (МКН³ № 122), *Ewalina* (МКН № 143), *Razalia* (НКН⁴ № 66), *Stafania* (МКН № 295), *Taresa* (НКН № 6);
- в окончаниях существительных и прилагательных: *Ihumienskiega* (ПСН⁵ № 6), *pokojhdyszam* (НКН № 34), *TulezyCiala* (МКН № 30, 321), *uczynilitapamiqtka* (МКН № 82, 135, 520), *zmarlamu* (НКН № 28);
- в глаголах: *prasi* (ПСН № 25), *spaczywa* (МКН № 127).

В русскоязычных кириллических надписях на православных некрополях и православной части смешанных некрополей аканье зафиксировано:

- в именах собственных: *Дарашевич* (РПН⁶ № 52), *Ефрасинія* (РПН № 70), *Антанина* (РПН № 129, 208), *Кашалевска* (РПН № 129, 130, 131), *Палюхович* (РПН № 186, 189), *Палюховичова* (РПН № 187), *Фёдар Фёдаравич* (РПН № 207), *Волчкава* (РПН № 31), *Ерашевичава* (РПН № 109), *Лазученакъ*, *Лазучонакъ* (ПСН № 84, 85, 86), *Тамашевич* (ПСН № 108, 109);
- в позиции в начале и окончании существительного: *Актябра* (РПН № 120, 1861 г.).

Отдельно стоит обратить внимание на написание женского имени *Пелагея*, которое реализуется через **а**: *Палагея* (МПН⁷ № 66, 1916 г.), *Палагеи* (МПН № 78, 1880 г.), *Палагея* (ПСН № 46). Этот пример, с одной стороны,

² ГСН – здесь и далее – сокращенное название реестра надписей Гольшанского смешанного некрополя. Приведенные числа соответствуют номеру текста надгробия в реестре.

³ МКН – здесь и далее – сокращенное название реестра надписей Мирского католического некрополя. Приведенные числа соответствуют номеру текста надгробия в реестре.

⁴ НКН – здесь и далее – сокращенное название реестра надписей Новодворского католического некрополя. Приведенные числа соответствуют номеру текста надгробия в реестре.

⁵ ПСН – здесь и далее – сокращенное название реестра надписей Плебанского смешанного некрополя. Приведенные числа соответствуют номеру текста надгробия в реестре.

⁶ РПН – здесь и далее – сокращенное название реестра надписей Раковского православного некрополя. Приведенные числа соответствуют номеру текста надгробия в реестре.

⁷ МПН МПН – здесь и далее – сокращенное название реестра надписей Мирского православного некрополя. Приведенные числа соответствуют номеру текста надгробия в реестре.

можно трактовать как проявление аканья, с другой стороны, такое написание фиксируется с XVI в. в официальных документах на данной территории и является архаической формой имени (Uscinovič, 2011, s. 162).

Предыдущие примеры иллюстрируют недиссимилятивный тип аканья. Вместе с тем, на некрополях наблюдаются и примеры диссимилятивного аканья, которое в связи с артикуляционной спецификой в письменных текстах отражается довольно редко. При недиссимилятивном аканье гласный совпадает всегда с [a], принцип же диссимиляции заключается в том, что перед ударным гласным нижнего подъема не может быть гласный того же подъема и качество безударного гласного зависит от качества звука, который находится под ударением. Происходит расподобление гласных ударного и безударного слогов, когда безударные [o], [a] реализуются как [ъ], [ы], либо в позиции перед, после или между губными как [y] (Kryvicki, 2003, s. 182).

На Мирском католическом некрополе зафиксирован один пример диссимилятивного аканья в заударном слого с переходом **a** [a] в **y** [ы]: *Pozostyl* (МКН № 63).

На Раковском православном некрополе зафиксированы два примера диссимилятивного аканья. В первом случае этимологический **a** [a] графически передан через **ы** [ы]: *Елырионь* (РПН № 18, 1907 г.). Во втором случае рефлекс аканья в заударной позиции передан через **и** [и]: *Павиль* (РПН № 8, 1907 г.) (традиционная региональная форма имени *Павел – Павал*).

Среди иных проявлений, которые характерны для белорусской фонетики и отразились в надписях на некрополях, отмечается смена гласных в словах общеславянского происхождения, а также замена гласных в заимствованных словах.

Изменение гласных в словах общеславянского происхождения зафиксировано в двенадцати случаях на Мирском католическом некрополе:

- **a** [a] на **e** [e] в именах собственных и глаголах: *Katerzyny* (МКН № 40, 159, 468, 492), *Katerzyna* (МКН № 46), *Umerla* (МКН № 369, 440);
- **y** [ы] на **u** [у] либо **u** [у] на **y** [ы] в ударных и предударных слогах в существительных и глаголах: *Obuwatel* (МКН № 245), *Stucznia* (МКН № 42, 62), *zul* (МКН № 108), *czywa* (МКН № 517).

В двух случаях на Мирском католическом некрополе и по одному случаю на Гольшанском и Плебанском некрополях происходит изменение **u** [у] на **a** [a] либо **a** [a] на **u** [у] в окончаниях существительных в родительном падеже, которое более относится к морфологическим особенностям, но также обусловлено влиянием белорусского языка: *roka* (МКН № 101, 406), *powiatta* (ПСН № 6), *Listopadu* (ГСН № 42).

В словах иностранного происхождения на некрополях зафиксирована замена **e** [e] на **i** [и] при передаче формы имени *Dominik*: *Domienik* (МКН № 37),

Domenik (МКН № 475), *Domienika* (МКН № 49, 277). При этом, как указывает Базыль Тихониук, перечисленные варианты фиксируются на территории белорусско-польского приграничья с 1567 года. (*Domienik*) і 1837 года. (*Domienika*) (Tichoniuk, 2000, s. 81).

Наиболее часто в польскоязычных надписях зафиксирована замена гласного *i*[и] на *y*[ы]. В первую очередь это явление описывается в рамках системы консонантизма как следствие изменения качества согласного звука (твердый // мягкий). Между тем, под влиянием белорусского и литовского языков смена *i*[и] // *y*[ы] стала характерной для жмудско-ковенского ареала польских приграничных говоров (Mędelska, 2006, s. 147).

На проанализированных католических и католической части смешанных некрополей смена *i*[и] // *y*[ы] зафиксирована в двадцати одном случае:

- в окончаниях существительных: *familiy* (НКН № 29; ГСН № 3; МКН № 188), *pamiący* (МКН № 344), *zwłoky* (МКН № 24);
- в именах собственных: *Dyonizy* (МКН № 34; НКН № 49), *Gabryel* (МКН № 477), *Leokadyja* (НКН № 18), *Maryjannie* (НКН № 63), *Piotrowy* (МКН № 405), *Waleryan* (МКН № 495), *Waleryi* (МКН № 53), *Wiktorya* (МКН № 232; ГСН № 37), *Wiktoryja* (МКН № 161);
- в ударных слогах существительных: *Apryla* (МКН № 219, 345, 439), *swyecie* (МКН № 139).

Следует обратить внимание, что такие примеры, как *Dyonizy*, *Gabryel*, *Leokadyja*, *Waleryan*, *Waleryi*, *Wiktorya*, *Wiktoryja* отдельные исследователи, в частности Галина Карась, Ядвига Козловская-Дода, Малгожата Острувка, трактуют не только как влияние белорусского языка, но прежде всего как архаическую польскую традицию записи окончаний групп на *-ija*, *-uja* (Kozłowska-Doda, 2020, s. 114; Karaś 2010, s. 73; Ostrówka, 2014, s. 53).

Как отмечает Зофия Курцова, замена гласных в заимствованных словах и словах общеславянского происхождения в польском языке белорусско-польского пограничья как черта, обусловленная влиянием белорусской фонетики, стала проявляться уже с XVI века, а к XIX веку становится характерной особенностью польского говора белорусско-польского приграничья (Kurkowa, 1993, s. 232–233).

Что касается русскоязычных надписей на православных и православной части смешанных некрополей, то тут явление замены гласных встречается значительно реже и представлено двумя вариациями: замена предупредительного [a] на [o] и [e], образованного на месте раннего этимологического *ъ* [æ] ([e:]), на *и* [i] в безударном слоге:

- *Елизовета* (РПН № 220, 1917 г.), *Зиноида* (МПН № 75, 1913 г.), *Повлина* (ПСН № 97, 1899 г.);

– *Здiсь* (ГСН № 123, 1892 г.), *почываiм* (ПСН № 96, 1885 г.).

При этом замена предупредного [а] на [о] в зафиксированных случаях может трактоваться как проявление гипернормативности, когда стремление к правильному написанию приводит к появлению отклонений, вызванных подражанием фонетическим особенностям другого языка без знания его орфографических норм.

Также проявлением гипернормативности и стремлением к максимальному отдалению от схожего языка трактуется замена предупредного [а] на [о] и в польскоязычных ритуальных текстах: *Izobiela* (МКН № 217), *Solomeja* (МКН № 444), *poraŋi* (НКН № 15).

Некоторые исследователи полагают, что на территории Беларуси, особенно ее северо-западной части, в XIX в. польский язык не только выступал индикатором религиозной принадлежности населения, но и отражал идейную оппозицию к власти Российской империи, а также имел определенный ореол «интеллигентности» в кругах бывшей знати (Наронiенка, 2012, s. 40, 77), поэтому многие стремились к максимальному следованию его орфографическим нормам. Такое гипертрофированное стремление к нормативности нередко приводило к возникновению «перекосов», когда на месте этимологического безударного [а] появлялись гласные [о] или [е] (Kurkowa, 1993, s. 229).

Учитывая то, что для белорусского языка характерно избегание сочетания нескольких гласных звуков, эта характерная черта также нашла отражение как в польскоязычных, так и в русскоязычных надписях на некрополях.

Реализация этой тенденции осуществляется несколькими способами. В первую очередь, через отпадение безударного гласного в сочетании с ударным. В большинстве случаев потеря редуцированного гласного происходит в начале слова.

На Мирском католическом некрополе зафиксировано два таких случая: *agusta* (МКН № 340), *Agustyn* (МКН № 476).

На Раковском православном некрополе такое явление встречается чаще и отражено при передаче названия месяца «июля»: *Юля* (РПН № 41, 98, 226).

Единичным является случай графического отражения признака, характерного для мозырской группы диалектов юго-западного наречия, на Раковском православном некрополе. Это сочетание твердых губных согласных с [j], соответствующее подобным мягким губным согласным перед [а] в прочих говорах: *Пам'яць* (РПН № 111, 1912 г.).

В соответствии с лингвистической географией Беларуси обозначенное явление фиксируется по большей части в центрально-полесском регионе. В некоторых же иных случаях отвердение губных перед [j] на территории

северо-западной Беларуси некоторыми исследователями (в частности Галиной Турской, Зофией Курцовой) объясняется влиянием польского и литовского языков при заимствовании отдельных лексем и их уподоблении нормам произношения польского языка.

Что касается специфических черт белорусской фонетики, которые нашли отражение либо только в польскоязычных надписях, либо только в русскоязычных, то для первых из них на католических некрополях и католических частях смешанных некрополей выделяются: смешение *o*[o]//*ó* [y], расщепление носовых гласных звуков, йотовая эпентеза в сочетании гласных.

Последнее явление нашло достаточно широкое распространение в надмогильных надписях. Чаще всего йотовая эпентеза возникает в заимствованных словах с несвойственным для белорусского языка сочетанием гласных [iо], [iэ], [ia] (Dziatko, 2017, s. 42).

В польскоязычных надписях на некрополях проявление эпентезы йота зафиксировано в двадцати случаях:

- на Мирском католическом некрополе – одиннадцать случаев: *Zofija* (МКН № 62, 298, 505), *Kamelija* (МКН № 128), *Wiktoryja* (МКН № 161), *Emilija* (МКН № 201, 337), *Fabijan* (МКН № 244, 482), *Stefanija* (МКН № 441, 495);
- на Новодворском католическом некрополе – четыре случая: *Ewangielija* (НКН № 11), *Leokadyja* (НКН № 18), *Rozalija* (НКН № 19), *Maryjannie* (НКН № 63);
- на Гольшанском смешанном некрополе – четыре случая: *Apolonija* (ГСН № 4), *Zofija* (ГСН № 9, 34), *Stefanija* (ГСН № 62).

Как можно увидеть в приведенных примерах, чаще всего эпентеза [j] встречается в окончаниях имен собственных, а также в существительном *Ewangielija* (НКН № 11).

Как уже отмечалось выше, эпентеза *j* в окончаниях польскими исследователями лингвистических особенностей надмогильных надписей трактуется прежде всего как архаизм польского языка (Kozłowska-Doda, 2000, s. 114; Karaś, 2010, s. 73; Ostrówka, 2014, s. 53).

В русскоязычных надмогильных надписях встречаются два подобных случая, которые могут трактоваться как инерция к эпентезе [j] в заимствованиях, которая характерна для говоров белорусско-польского пограничья: *июня* (ГСН № 109, 1912 г.), *Юльня* (РПН № 62, 1897 г.).

Наиболее распространенным явлением в польскоязычных надписях на католических некрополях и католической части смешанных некрополей является смешение звуков *ó* (*u*) [y] // *o*[o].

На Мирском католическом некрополе зафиксировано сто пятьдесят два случая перехода *ó* [y] в *o*[o], среди которых:

- в именительном и винительном падежах существительных – 86 фиксаций: *grob* (МКН 66 фиксаций), *Jozef* (МКН 6 фиксаций), *Jozefa* (МКН № 58, 405, 430, 463), *pokoj* (МКН 10 фиксаций);
- в глаголах (2 фиксации): *zmówić* (МКН № 48), *zmowie* (МКН № 286);
- в окончаниях существительных множественного числа в родительном падеже:
  - 58 фиксаций в окончаниях имен собственных, например: *Aleięczykow* (МКН № 28), *Birulow* (МКН № 402, 413), *Boczkwow* (МКН № 68), *Chomiczow* (МКН № 27, 181, 267, 288), *Pawłowiczow* (МКН № 234, 323), *Sudnikow* (МКН № 276, 363, 440, 502), *Szkodow* (МКН № 136, 137, 217, 465), *Woynow* (МКН № 240, 241) и т.д.;
  - 6 фиксаций в иных существительных: *synow* (МКН № 32), *rodzicow* (МКН № 28, 274, 316, 323, 527).

Подобные примеры смешения звуков *ó* (*u*) [y] // *o*[o] также были описаны в работах польских исследователей лингвистических особенностей некрополей, что позволяет трактовать это как одну из характерных особенностей надмогильных надписей приграничных регионов (Karaś, 2011, s. 103; Konczewska, 2014, s. 76; Ostrówka, 2014, s. 54).

На Новодворском католическом некрополе – 25 примеров, из которых:

- в именительном и винительном падежах существительных единственного и множественного числа – 16 фиксаций: *corca* (НКН № 1), *corki* (НКН № 7), *Jozef* (НКН № 69), *Jozefa* (НКН № 35, 48), *Grob* (НКН № 29), *pokoj* (НКН-9 фиксации), *od Szczerych przyjaciół* (НКН № 49);
- в основах местоимений и глаголов – 2 фиксации: *ktorzy* (НКН № 11), *mowi* (НКН № 11);
- в окончаниях существительных в родительном падеже множественного числа – 7 фиксаций: *Adamczykow* (НКН № 1), *Downorowiczow* (НКН № 24), *Dramowiczow* (НКН № 67), *Ordow* (НКН № 39), *Skorbow* (НКН № 48), *synow* (НКН № 11), *Wydzgow* (НКН № 52).

На Гольшанском смешанном некрополе отражено 20 случаев употребления *o*[o] на месте *ó* [y] в различных позициях: *Baranowiczow* (ГСН № 3), *Corki* (ГСН № 61), *Jozefa* (ГСН № 11), *Jozef* (ГСН № 44, 48, 64, 80), *Jozek* (ГСН № 14), *Grob* (ГСН № 3, 22), *pokoj* (ГСН 10 фиксаций).

На Плебанском смешанном некрополе зафиксирован только один случай названного смешения звуков при передаче женского имени: *Jozefa* (ПСН № 30).

Исследователи польского языка и его приграничных вариантов указывают на то, что в XVIII в. такая черта была характерна как для общепольского языка, так и для виленского регионального его варианта. Вместе с тем, если для польского языка нормы фонетической реализации и графического употребления *ó (u) // o* окончательно сформировались в середине XIX в., то для регионального варианта польского языка (называемого польскими исследователями *dialekt północnokresowy, polszczyzna północnokresowa, język polski Wileńszczyzny*) смешение этих звуков и их графического написания сохранялось еще и в XX в. (Kurkowa, 1993, s. 223). Следует также сказать, что смешение этих звуков на письме может быть продиктовано не только собственно артикуляцией, но и просто сложностью работы каменотеса – при передаче графемы.

Последней из выявленных специфических черт (зафиксированной на анализируемых католических некрополях и католической части смешанных некрополей), возникших под влиянием белорусского языка на польский, является расщепление носовых гласных *ą* и *ę* на сочетание *on/eni* утеря носового характера этих гласных.

На некрополях зафиксировано три примера графической реализации расщепления носовых гласных: *czytajonych* (МКН № 361, 421), *Kolendow* (МКН № 463). Помимо этого, в двух случаях в окончаниях отражена передача носового *ę* не как *en*, а как *ue, ae*: *majae* (ГСН № 61), *patzue* (НКН № 11).

На некрополях в окончаниях глаголов мужского рода прошедшего времени через реализацию *ą* как *o* отражается реальное произношение звука, при этом грамматическая норма нарушается (зафиксировано 16 примеров): *spoczol* (МКН 11 фиксаций), *spoczol* (МКН № 37, 349, 400, 407, 433), *zginol* (НКН № 61).

По мнению исследователей польских пограничных говоров, хотя реализация носовых гласных в целом и соответствовала нормам польского литературного языка, тем не менее в XIX – первой половине XX в. формируется ряд отдельных региональных особенностей их употребления. Авторы (Галина Турска, Зофия Курцова, Анетта Стравинска) подчеркивают, что проблема употребления носовых гласных на территории пограничья наблюдается и в XX в.

Среди черт белорусской фонетики в системе вокализма, которые отразились только в русскоязычных текстах на православных некрополях и православной части смешанных некрополей, выделяются яканье и еканье.

Принцип яканья реализуется через совпадение гласных фонем [e], [o], [a] в [ja] после мягкого согласного в предударном слого. Проявление яканья зафиксировано в надписях на Раковском православном некрополе на памятниках 1907 г. и 1911 г.: *Дяруго* (РПН № 56), *Сяргей* (РПН № 172).

Отдельно следует отметить проявление нечеткого типа диссимилятивного яканья, которое характерно для говоров западной части северо-восточного диалекта по линии Полоцк–Толочин–Могилев–Карма: *Дикаб*⁸ (РПН №174).

В одном случае зафиксировано графическое отражение перехода гласной фонемы [э] в [а] после мягкого согласного в заударном слоге: *Младеняц* (РПН № 168, 1916 г.).

На Мирском православном и Плебанском смешанном некрополях имеется по одному примеру графического отражения еканья (совпадение гласных в звуке [е] вне зависимости от качества ударных гласных и соседних согласных фонем): *памет* (в значении ‘память’) (МПН № 41, 1893 г.), *Альксендръ* (ПСН № 64, 1915 г.).

ВЫВОДЫ

Таким образом, соотнося количество выявленных примеров инфильтрации белорусизмов и регионализмов в русскоязычные и польскоязычные ритуальные тексты с общим количеством надписей на каждом языке на анализируемых некрополях XIX – первой половины XX в., можно установить следующую динамику их распространения:

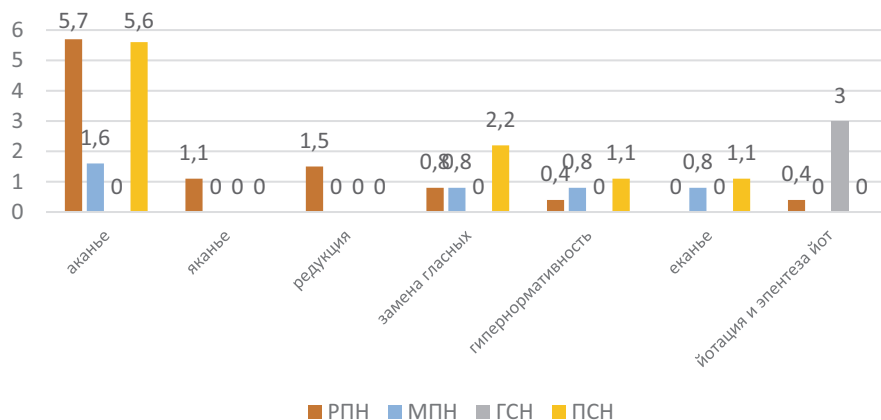

Диаграмма 1. Степень инфильтрации белорусизмов и регионализмов в русскоязычные ритуальные надписи на некрополях (система вокализма)

⁸ Сокращенное наименование месяца *декабрь*.

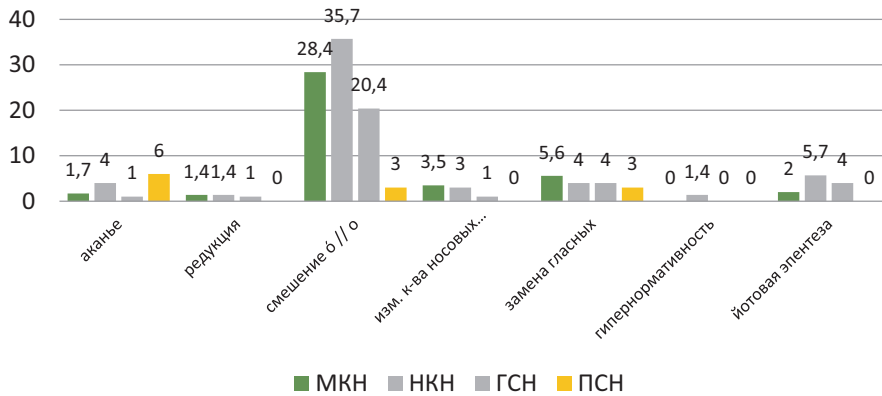

Диаграмма 2. Степень инфильтрации белорусизмов и регионализмов в польскоязычные ритуальные надписи на некрополях (система вокализма)

На основе сопоставления представленных диаграмм можно сделать вывод, что инфильтрации белорусизмов и регионализмов в польскоязычных ритуальных текстах на некрополях XIX – первой половины XX в. носили более устойчивый характер и имели более широкое распространение на территории северо-западной Беларуси, в то время как в русскоязычных текстах проявление инфильтраций отмечается в основном к востоку от границ рассматриваемого региона.

Это связано главным образом с тем, что на протяжении XIX в. русский язык занимал доминирующее положение в Российской империи, частью которой на тот момент являлись земли северо-запада современной Беларуси, и получение профессионального и высшего образования осуществлялось на русском языке.

Основными чертами белорусизмов и регионализмов, которые проявились в русскоязычных текстах (по мере уменьшения количества фиксаций), следует назвать: аканье (*Дарашевич, актябра* и пр.), замена гласных (*Повлина, здісь* и пр.), йотация и эпентеза йот (*пам'ять, Юльянь* и пр.), гипернормативность (*почиваит, Повлина* и пр.), редукция гласных (*юля, юня* и пр.), еканье (*памет*), яканье (*Сяргей, Дяруго, младеняц* и пр.). В польскоязычных текстах – это: смещение *ó (u)[y] // o[o]* (*grob, zmowić, corka, którzu* и пр.), замена гласных звуков (*umerła, stucznia, aprylai* и пр.), аканье (*Razalia, prasii* и пр.), эпентеза йот (*Zofija, Rozalijai* и пр.), изменение качества носовых гласных (*czytajoncych, Kolendow* и пр.), редукция гласных (*agusta*), гипернормативность (*porafi, Solomeja* и пр.).

При общем количественном равенстве установленных проявлений отклонений от польских и русских языковых норм и наличия таких общих

черт, как аканье, редукция гласных, замена гласных в общеславянских словах, обращает на себя внимание и факт наличия специфических черт, таких как проникновение яканья и еканья в русскоязычные тексты, а также смешение *ó (u)[y] // o[o]* и изменение качества носовых гласных в текстах на польском языке, что является отражением региональных особенностей польских пограничных говоров.

Также следует обратить внимание и на ареал распространения инфильтраций. Для русскоязычных текстов наибольшая концентрация проявления белорусизмов наблюдается на территории, относящейся в то время к Минской губернии, а на территории Виленской губернии случаи инфильтрации единичны (что подтверждает зависимость подобных проявлений от общего уровня грамотности населения губерний). Проникновение белорусизмов и регионализмов в польскоязычные ритуальные тексты носит более ровный и устойчивый характер, что обусловлено отношением к польскому языку как языку «бывшей знати Речи Посполитой», которое подсознательно требовало более внимательного подхода к его употреблению. Помимо этого, ровность распределения явлений в польскоязычных текстах может быть продиктована и некоторой степенью ограниченности сферы употребления языка.

БИБЛИОГРАФИЯ/BIBLIOGRAFIA/REFERENCES

- Dziatko, Dzmitryj Vasíljevič (red.). (2017). *Sučasnaja bielaruskaja litaraturnaja mova*. Minsk: Vušejšaja škola. [Дзятко, Дзмітрый Васільевіч (ред.). (2017). *Сучасная беларуская літаратурная мова*. Мінск: Вышэйшая школа.]
- Haponienka, Iryna Aliehaŭna. (2012). *Lieksika bielaruskaj litaraturnaj movy XIX – pačatku XX st.: asablivasci stanaŭliennia i razvicia*. Minsk: BDU. [Гапоненка, Ірына Алегаўна. (2012). *Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця*. Мінск: БДУ.]
- Karaś, Halina. (2010). Сментарзе на Litwie jako znak wielokulturowego dziedzictwa Wielkiego Księstwa Litewskiego. W: Jolanta Mędelska, Zofia Sawaniewska-Mochowa (red.), *Językowe i kulturowe dziedzictwo Wielkiego Księstwa Litewskiego* (s. 61–75). Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.
- Karaś, Halina. (2011). Uwagi o polskich inskrypcjach nagrobnych na Litwie. W: Feliks Czyżewski, Agnieszka Dudek-Szumigaj, Lubow Frolak (red.), *Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego* (s. 93–105). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Konczevska, Katarzyna (2014). Uwagi o polszczyźnie inskrypcji nagrobnych na Grodzieńszczyźnie. *Acta Baltico Slavica*, 38, s. 67–88.
- Kozłowska-Doda, Jadwiga. (2000). Język polski napisów cmentarnych z Białorusi środkowej (rejon dzierżyński). W: Ewa Wolnicz-Pawłowska, Wanda Szulowska (red.), *Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim* (s. 109–122). Warszawa: Semper.

- Krywicki, Aliaksandr Antonavič. (2003). *Dyjaliektalohija bielaruskaj movy*. Minsk: Vyšejšaja škola. [Крывіцкі, Аляксандр Антонавіч. (2003). *Дыялекталогія беларускай мовы*. Мінск: Вышэйшая школа.]
- Kurzowa, Zofia. (1993). *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* Warszawa-Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Mędelska, Jolanta. (2006). Dyferencjalne regionalizmy północnokresowe z zakresu fonetyki odzwierciedlone w „Opowiadaniu z czasów wojny (1919–1923)”. *Linguistica Bidgostiana*, III, s. 140–161.
- Ostrówka, Małgorzata. (2014). Napisy nagrobne w Rzeżycy i Krasławiu (Łotwa) jako przykład koegzystencji kultur i języków w Łatgalii. *Acta Baltico-Slavica*, 38, s. 40–66.
- Smułkowa, Elżbieta. (2002). *Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Tichoniuk, Bazyli. (2000). *Imiona i ich formy: na pograniczu polsko-białoruskim od XVI wieku do roku 1839*. Zielona Góra: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Tadeusza Kotarbińskiego.
- Trojnickij, Nikolaj Aleksandrovič (red.). (1904a). *Pervaâ vseobšaa perepis' naseleniâ Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XXII. Minskaâ guberniâ*. Sankt-Peterburg: Izdanie central'nago statističeskago komiteta vnutrennih del. [Тройницький, Николай Александрович (ред.). (1904a). *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXII. Минская губерния*. Санкт-Петербург: Издание центрального статистического комитета внутренних дѣль.]
- Trojnickij, Nikolaj Aleksandrovič (red.). (1904b). *Pervaâ vseobšaa perepis' naseleniâ Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XXII. Minskaâ guberniâ*. Sankt-Peterburg: Izdanie central'nago statističeskago komiteta vnutrennih del. [Тройницький, Николай Александрович (ред.). (1904b). *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXII. Минская губерния*. Санкт-Петербург: Издание центрального статистического комитета внутренних дѣль.]
- Turska, Halina. (1983). *Język polski na Wileńszczyźnie*. W: Janusz Rieger, Waczesław Werenicz (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 2 (s. 15–23). Warszawa: Wydawnictwo Semper.
- Uscinovič, Hanna Kanstancinaŭna. (2011). *Sloŭnik asabovych ulasnyc imion: dlia robotnikaŭ pašpartnych staloŭ i kadravycy sluzbacy, ZAHСаŭ, nataryjalnych kantor i jurydyčnych konsulta-cyŭ, robotnikaŭ друку, настаŭнікаŭ i studentaŭ*. Minsk: Litaratura i Mastactva. [Усціновіч, Ганна Канстанцінаўна. (2011). *Слоўнік асабовых уласных імён: для работнікаў пашпартных сталоў і кадравых службаў, ЗАГСаў, натарыяльных кантор і юрыдычных кансультацый, работнікаў друку, настаўнікаў і студэнтаў*. Мінск: Літаратура і Мастацтва.]

Data zgłoszenia artykułu: 27.02.2021

Data zakwalifikowania do druku: 13.09.2021